

В. Л. Величко

**Полное собрание
публицистических сочинений**

**Том 1. Кавказ. Русское дело и
междуплеменные вопросы**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
В11

В11 **В. Л. Величко**
Полное собрание публицистических сочинений: Том 1. Кавказ. Русское дело
и междуплеменные вопросы / В. Л. Величко – М.: Книга по Требованию, 2021. –
246 с.

ISBN 978-5-518-06188-0

ISBN 978-5-518-06188-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

О Г Л А В Л Е Н І Е

ПЕРВАГО ТОМА.

	СТР.
1. Введеніе	1
2. Характеръ прошлаго	4
3. Братья-грузины	22
4. Русско-грузинскія отношенія .	45
5. Армяне	57
6. Историческое прошлое .	59
7. Переходъ къ теократіи и монофизитство	69
8. Племенная обособленность и экономическое владычество	76
9. Правда о турецкихъ зѣврствахъ .	91
10. Политическая роль церкви и армянская программа	97
11. Народная масса	115
12. Реформа управления имуществомъ армяно-григоріанской церкви и армянскія божачества	121
13. Азербейджавскіе татары	147
14. Раабои	161
15. Ненормальность бытовыхъ условій	168
16. Горцы Дагестана	173
17. Русскіе люди на Кавказѣ	178
18. Казачество .	181
19. Славная кавказская армія	184
20. Сектанты и русскіе переселенцы	191
21. Русская интеллигенція	211
Приложеніе.	
I. „Правда о закрытіи армянскихъ церковно-приходскихъ училищъ“ Р. („Кавказъ“, 1897 г.) .	1
II. „Могнинское училище“. Р. П. („Кавказъ“, 1898 г.).	7
III. Опроверженіе г. предсѣдателя Кавказскаго военнаго-окружнаго суда по поводу Хубларовскаго дѣла („Русскій Вѣстникъ“ 1904 г.)	10
IV. Отъ изд.	13
V. „Ахалцыхская нетерпимость“, Needle („Кавказъ“, 1897 г.).	15
VI. „Система или обычай?“. Русской женщины.	19

1. Введеніе.

Какое доселѣ волшебное слово—Кавказы! Какъ вѣсть отъ него неизгладимыми для всего русскаго народа воспомина-ніями; какъ ярка мечта, вспыхивающая въ душѣ при этомъ имени, мечта непобѣдимая ни пошлостью всендневной, ни суровымъ расчетомъ! Есть ли въ Россіи человѣкъ, чья семья нѣсколько десятилѣтій тому назадъ не принесла бы этому загадочному краю жертвъ кровью и слезами, не возносила бы къ небу жаркихъ молитвъ, тревожно прислушиваясь къ грознымъ раскатамъ богатырской борьбы, кипѣвшей вдали? Снѣговѣнчаннне гиганты, и жгучіе лучи полуденнаго солнца, и преданья старины, проникнутыя глубочайшимъ трагизмомъ, и лихорадочное геройство сыновъ Кавказа,—все это воспѣто и народомъ, и вѣщими выразителями его міросозерцанія, вдохновенными свѣточами русской идеи,—нашими великими поэтами.

Кавказъ для насъ не можетъ быть чужимъ: слишкомъ много на него потрачено всяческихъ силъ, слишкомъ органически онъ связанъ съ великимъ русскимъ міровымъ призваніемъ, съ русскимъ дѣломъ.

Въ виду множества попытокъ (большею частью небезкорыстныхъ) сбить русское общество съ толку въ междуплеменныхъ вопросахъ, необходимо установить разъ навсегда живаенную, правильную точку зрѣнія на русское дѣло вообще. У людей одинаково искреннихъ могутъ быть различныя точки зрѣнія. Одни считаютъ служеніе русскому дѣлу борьбою за народно-государственное существованіе и процвѣтаніе, борьбою, не стѣсненною никакими завѣтами исторіи, никакими нормами нравственности или человѣчности; они считаютъ, что все чужое, хотя бы и достойное, должно быть стерто съ лица земли, коль скоро оно не сливается доста-

точно быстро и безслѣдно съ нашею народно-государственною стихіей Этотъ жестокій взглядъ я называлъ бы германскимъ, а не русскимъ. Онъ противорѣчитъ міровому идеалу Россіи и подрываетъ одну изъ надежнѣйшихъ основъ ея духовнаго, а стало быть, и политическаго могущества.

Другіе впадаютъ въ противоположную крайность: они готовы поступиться всѣмъ русскимъ въ пользу того, что нарушаетъ наше единство, подтачиваетъ нашу государственную силу, да и само по себѣ представляетъ явленіе отрицательное. Это взглядъ „школы“ непротивленцевъ съ мнимонациональною программой, истинными руководителями или закулисными вдохновителями которой являются, конечно, *не рускіе* люди. Такое непротивленіе инокроднымъ обособляющимся злымъ силамъ, даже въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда оно безкорыстно, возможно лишь въ ущербъ жизненности русскаго патриотизма и нисколько не оправдывается обычнымъ въ такихъ случаяхъ разсужденіемъ на тему о томъ, что мы—великій и сильный народъ. Великій народъ,—и потому прикажете дозволять, кому вздумается, посягать на хлѣбъ дѣтей нашихъ, на жизненныя силы меньшей братіи, подвергать поруганію наши святыни и давать обособляющимся инородцамъ ѣздить верхомъ на слабыхъ и уступчивыхъ носителяхъ русскаго дѣла?! Доколѣ будутъ отождествлять понятіе великаго съ понятіемъ глупаго, слабаго и безпринципнаго?!

Правильна, справедлива и, вмѣстѣ, практична только нижеслѣдующая, третья точка зрѣнія. Великій и сильный не глядитъ на жизнь сонными очами, а *во благовременнѣи водворяетъ жизненную правду*, развиваетъ свою собирательную или единичную личность, во всеоружіи завѣтныхъ преданій прошлаго, „ума холодныхъ наблюденій и сердца горестныхъ замѣтъ“. Великій и сильный не довольствуется шаблонами и ключками, прикрывающими повятія ложныя, расплывчатая или пестрыя. Онъ обязанъ сжать усиліемъ ума лѣтнюю расплывчатость, обязанъ разобраться въ краскахъ и оттѣнкахъ пестрой картины.

Если доселѣ пестрый Кавказъ является мучительною загадкой для нашихъ образованныхъ классовъ, то, значить, они не велики и не сильны, они не вполне освободились отъ рабства чужихъ словъ и повятій, отъ гнета упомянутой выше и увн, типично-русской лѣтливой расплывчатости. Не-

давнее возникновение и, главное, независимое от посторонних фальшивых и лукавых влияний развитие Русского Собрания подтверждает правоту моих словъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ сверкаетъ яркимъ лучомъ надежды на близость лучшихъ дней, на подъемъ русской прозорливости, русской вдумчивости и духовной силы.

Наши солдаты, а за ними и народъ, назвали Кавказъ „погибельнымъ“, потому что покорение его было сопряжено съ невѣроятнымъ напряженіемъ героизма и тяжкими жертвами. Но на эти жертвы народъ нашъ не скупъ: мертвые сраму не имутъ, и подвиги увѣнчаны славой. „Погибельность“ Кавказа приняла иную форму, быть можетъ, роковую, а можетъ быть, и полезную въ итогѣ, раскрывъ внутреннія язвы нашей жизни, немощи нашего духа, ошибки и грѣхи нашей окраинной политики, даже смутность и неустойчивость государственно-національнаго міросозерцанія у многихъ русскихъ людей, какъ служилыхъ, такъ и берущихъ на себя смѣлость вліять на общество посредствомъ печати.

Кавказъ—огромная академія со всевозможными естественными лабораторіями, открывающая наблюдателю и наследователю широкое поприще для самостоятельныхъ выводовъ. Особенную цѣнность представляетъ онъ для социолога и, въ частности, для представителя государственной науки, столь мало распространенной,—увы!—даже въ нашихъ правящихъ классахъ, которымъ пора бы *сознательнѣе* относиться къ своимъ обязанностямъ передъ родиной и Государемъ, а не смотрѣть на жизнь съ точки зрѣнія 20-го числа. Явленія жизни и человѣческіе характеры на Кавказѣ чрезвычайно выпуклы, даже когда они, вмѣстѣ съ тѣмъ, сложны. Особенный интересъ представляетъ сплетеніе, а иногда и полное совпаденіе вопросовъ расовыхъ съ социально-экономическими. Этою особенностью кавказской жизни обусловливается немалая трудность управленія краемъ и контроля надъ работою мѣстныхъ органовъ власти, то взаправду, то притворно не понимающихъ практическаго значенія своеобразныхъ основъ тамошняго общественнаго склада и быта.

Чтобы взглянуть въ корень главнѣйшихъ попросовъ и явленій, надъ хотя бы въ общихъ чертахъ ознакомиться съ прошлымъ.

2. Характеръ прошлаго.

Прошлое кавказскаго края представляет собою картину не менѣ пеструю, чѣмъ его естественныя условія и многоплеменный составъ населенія. Обобщенія положительнаго характера при такихъ условіяхъ весьма затруднительны, и сколько-нибудь яркими красками можно отмѣтить лишь нѣкоторыя, наиболѣе наглядныя черты этого прошлаго, вдобавокъ, отрицательныя съ культурной точки зрѣнія.

Во первыхъ, Кавказъ *никогда не имѣлъ покоя*, ни внутренняго, ни внѣшняго. Онъ былъ въ теченіе многихъ вѣковъ однимъ изъ путей для воинственныхъ вторженій Азии въ Европу; каждое изъ проходившихъ по его горамъ и долинамъ племень, смывая своей волной тѣ или иные зачатки мѣстной культуры, оставляло за собою того собственныя слѣды, преимущественно дурной, ибо вторгающіяся племена ни съ кѣмъ и ни съ чѣмъ не церемонятся. Съ другой стороны, сильно пересѣченная мѣстность, богатая трупобами непроходимыми и высотами недосыгаемыми, при условіи значительнаго климатическаго, почвеннаго и племеннаго разнообразія, не могла стать территоріей крѣпко объединеннаго и культурно развитаго государства. Въ горныхъ дебряхъ жили и доселѣ живутъ многія мелкія племена, разнообразныя по происхожденію и зачаткамъ расовыхъ культуръ, находившіяся между собою въ постоянной борьбѣ, но такъ или иначе объединенныя, съ точки зрѣнія біологической, сходными условіями природы, хозяйства, образа жизни и религіозной подпочвы, которая, независимо отъ различія формальныхъ исповѣданій, заключается въ стихійномъ поклоненіи грознымъ силамъ природы, покорившей себѣ человека, его помыслы, характеръ и вѣрованія. Эти люди *не могли создать государства*, ибо малоспособны къ государственности вообще, которой, кстати сказать, на пересѣченныхъ высотахъ мудрено достигнуть сильнаго развитія, коль скоро нѣкоторыя ущелья бывають на семь или восемь мѣсяцевъ въ году отрѣзаны отъ остальнаго міра то снѣгами, то водами.

Южнѣ главнаго хребта, въ западномъ Закавказьѣ поселилось съ незапамятныхъ временъ картвельское племя (грузины, имеретины, гурійцы, мингрельцы, лазы, аджарцы, ко-

булетцы и др. разновидности); это племя, объединявшееся на краткіе сроки въ средніе вѣка, въ остальное время было разрознено. Въ восточномъ Закавказьѣ—племена съ тюркомонгольско-иранскою кровью и армяне, народъ невыясненнаго происхожденія, съ несомнѣнно значительною примѣсью еврейской, сиро-халдейской и цыганской крови.

Изъ всѣхъ этихъ племенъ наибольшую способность къ государственности проявили грузины, но и имъ не удалось создать государство въ полномъ смыслѣ этого слова. Мѣшала тому, во первыхъ, орографія страны, открывавшая широкій просторъ феодальному обособленію; во вторыхъ, серьезнымъ препятствіемъ служила хроническая анархія извнѣ: налетали неожиданно дикія орды, столь многочисленныя, что отпоръ былъ не всегда успѣшенъ; отъ вторженій оставались надолго печальныя послѣдствія, и вся жизнь страны была подвержена постояннымъ случайностямъ. Отсюда—рѣзко бросающееся въ глаза, почти повсемѣстное въ Закавказьѣ *отсутствіе домовитости и комфорта*, плодовъ долгаго мира. Даже у крупныхъ помѣщиковъ лишь за самое послѣднее время стали появляться хорошо обставленныя усадьбы. Въ общемъ жизнь доселѣ носить слѣды бивачнаго характера: такъ крѣпка исторически сложившаяся привычка ожидать вооруженнаго нападенія, скрывать или увозить имущество; многовѣковая привычка, ставъ чертою характера, мѣшаетъ, конечно, и понынѣ расцвѣту мирной культуры и развитію такъ называемыхъ буржуазныхъ добродѣтелей.

Климатическія условія и, въ частности, разнообразная по симптомамъ, но почти повсемѣстная въ Закавказьѣ малярія—тоже крупная помѣха въ прошломъ и даже въ настоящемъ для культурнаго развитія края. Кочевой образъ жизни значительной части закавказскаго населенія, обыкновенно приписываемый поверхностными наблюдателями врожденнымъ инстинктамъ кочевниковъ, находитъ себѣ болѣе разумное объясненіе и оправданіе, именно, въ климатическихъ условіяхъ: кочевники спасаютъ свою жизнь и здоровье, переходя лѣтомъ на высоты изъ малярійныхъ долинъ и степей, гдѣ и стала ихъ не нашли бы себѣ пищи. Какова бы ни была причина кочевокъ, бытовымъ результатомъ ихъ является опять таки отсутствіе домовитости и некультурности.

Вліяніе климатическихъ и вообще естественныхъ условій на

общественно-государственную жизнь чрезвычайно серьезно: и малярія, и горныя рѣки, то насыжающія, то принимающія чудовищныя размѣры, и бури, и ливни, и градобитія, и тяжкій эной,—все это, губительно отражаясь на народномъ хозяйствѣ, оставляетъ глубокой отрицательный слѣдъ и на самомъ духовномъ складѣ населенія, сглаживая общими недостатками племенныя различія; мысль утрачиваетъ послѣдовательность, воля—выдержку, нравственность—свой катехизисъ, трудъ—систему, жизнь въ совокупности—разумные устои.

Весьма замѣчательно, что еще одновременно въ древности культурнѣйшія племена, — греки, римляне, персы (временя расцвѣта персидской цивилизаціи), потомъ генуэзцы и др.—пытались завести на Кавказѣ колоніи, — и это нѣкогда никому не удавалось. По всему Закавказью разбросаны слѣды разныхъ стилей архитектуры, имена, названія и легенды, явно наноснаго происхожденія; на разнообразныхъ народныхъ лицахъ видны слѣды скрещиванія многихъ расъ; но въ итогъ мало крупнаго, цѣльнаго, не стертаго другими влияніями или просто временемъ.

Въ связи съ этимъ признакомъ слѣдуетъ отмѣтить, что *ни одно изъ соседнихъ съ Закавказьемъ государствъ до начала XIX столѣтія не имѣло возможности прочно водвориться въ этомъ крайѣ.* Правда, объясненія этому слѣдуетъ искать не только въ мѣстныхъ причинахъ, но и въ характерѣ и политическихъ изъявахъ государствъ и племенъ, посягавшихъ на данный край; тѣмъ не менѣе, мѣстныя особенности имѣли значеніе преобладающее, какъ это показываетъ даже исторія края со времени присоединенія его къ Россіи и чрезвычайно тугая ассимиляція мѣстныхъ племенъ съ государственною народностью.

Изъ всѣхъ слѣдовъ, оставленныхъ въ Закавказьѣ его соседями, наиболѣе нагляднымъ и даже довольно глубокимъ является *отпечатокъ персидскаго строя*, или, вѣрнѣе, нестроенія. Ханства восточнаго Закавказья, образовавшіяся путемъ измѣны правителей обязанностямъ передъ далекою центральною персидскою властью, юридически считались персидскими провинціями, а на дѣлѣ были независимыми деспотическими владѣніями, уменьшенными копіями съ персидскихъ образцовъ. Причины тому были отчасти расовыя, такъ какъ большинство повелителей въ этихъ владѣніяхъ были болѣе или

менше персіянами по происхожденію; частью же вліяли тутъ недостатки персидской государственной организаціи и, между прочимъ, широко практиковавшаяся наслѣдственность административныхъ должностей.

Ясно, что въ гористыхъ мѣстностяхъ, обладающихъ всѣми естественными данными для вооруженнаго обособленія, этотъ обычай не могъ не усиливаться, именно, феодальнаго склада жизни, и безъ того вызывавшагося мѣстными условіями; несомнѣнно, что однимъ изъ факторовъ феодализма является также расовая разница между повелителями и ихъ подданными,—а этотъ факторъ періодически насаждался при каждомъ подъемѣ персидскаго владычествія на Закавказьѣ. Въ частности, собственная Грузія (тифлисская и часть елисаветпольской губерніи) сильно испытала на себѣ персидское вліяніе, а Имеретія и другія западно-картвельскія владѣнія—вліяніе турецкое, менше интенсивное, но въ итогъ однородное по послѣдствіямъ. Политическіе изъязы, административный, духовный и бытовой складъ обоеихъ этихъ сосѣдей, на почвѣ различныхъ мѣстныхъ условій отразились, однако, на пестромъ Закавказьѣ, несомнѣнно, объединяющими, нивелирующими чертами, преимущественно отрицательнаго характера.

Въ обоеихъ восточныхъ деспотическихъ государствахъ, Турціи и Персіи, династіи не очень долговѣчны, и власть ихъ, подобно горнымъ рѣчкамъ, полвержена рѣзкимъ колебаніямъ; бюрократической системы, обезпечивающей устойчивость политическихъ направленій, интересовъ народнаго благополучія, правъ и спокойствія,—на лицо не было; все основывалось на подкупѣ, лести, силѣ и гаремныхъ интригахъ, т. е. на скверныхъ случайностяхъ. Государственные доходы, отдававшіеся на откупъ, своими колебаніями вліяли на политическую неустойчивость и на народныя настроенія.

Вчерашній мятежный феодалъ, хищный администраторъ, разбойникъ или предатель, вмѣсто заслуженной кары, могъ въ одинъ мигъ свискать почести и власть, ублаживъ азіатскаго повелителя красивою женщиною, конемъ, драгоценностями, или просто искусною лестью.

Глубочайшій, всесторонне охватывающій жизнь *матерьялизмъ* былъ руководящимъ началомъ, исключаящимъ всякую принципиальность въ европейскомъ смыслѣ этого слова;

гаремныя интриги и вообще чувственно-восточная психологія играли преобладающую роль даже въ мѣстностяхъ, озаренныхъ свѣтомъ христіанства. Даже въ Грузіи, въ теченіе многихъ вѣковъ борющейся за свою вѣру и племенную самобытность, христіанство, въ силу указанныхъ выше могущественныхъ причинъ, приняло особую мѣстную окраску, вмѣсто того, чтобы глубоко озарить міросозерцаніе обывателей и принести разнообразные плоды своихъ основныхъ созидательныхъ идей.

Такъ какъ при подобномъ анархическомъ безпорядкѣ вещей возможны лишь несложныя группировки людей, вызываемыя, вдобавокъ, инстинктомъ самосохраненія. то такую группировкой явилось *родовое начало* со своею узкою моралью и слабою принципіальностью. Тѣсныя границы этой послѣдней заключены между слѣдующими формулами: „моего родственника обидѣли или убили, а потому я долженъ выступить защитникомъ или мстителемъ“ и „мой родственникъ совершилъ преступленіе, но такъ какъ это мой родственникъ, то онъ правъ, и я приму всѣ мѣры, чтобы защитить его отъ наказанія“

Глубокіе слѣды такой психологіи остались тамъ и доселѣ. Ясно, что знатные или честолюбивые роды, которые путемъ воинской доблести, искусной политики, накопленія богатствъ, гаремныхъ успѣховъ, запасались средствами для борьбы за свое преобладаніе,—являлись поочередно хозяевами и нарушителями какой бы то ни было независимой правды. Имъ ничего не стоило измѣнить неожиданно своимъ царямъ и инымъ повелителямъ, попрасть интересы и завѣтнѣйшія чувства подневольнаго народа, даже въ крайнихъ случаяхъ надѣвать маску иновѣрія или вовсе отречься отъ вѣры отцовъ.

Народная масса, сидящая на землѣ и обрабатывающая ее, всегда тяготится подобной анархіей,—и вотъ почему, напримѣръ, грузинскій народъ доселѣ свято чтить память царя Давида Возобновителя и „царицы царей“ великой Тамары, при которыхъ установился было болѣе нравственный порядокъ, озаренный славою побѣдъ надъ внѣшними врагами; вотъ почему народная масса Закавказья въ громадномъ большинствѣ стихійно вѣритъ въ силу и правду Бѣлаго Царя, не взирая на многія отрицательныя стороны управленія краемъ.